

УДК 327.8:323 (575.2) (04)

**СПЕЦИФИКА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

Ю.В. Ли – аспирант

Проводится анализ специфики и некоторых проблем экономических отношений государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, специфика, экономика, отношения.

Как бы интенсивно не развивались экономические и торговые связи внутри Центральноазиатского региона, при слабой экономической базе взаимодействующих сторон они не способны быть сколько-нибудь значительными в абсолютных показателях. Это очевидно.

Напомним, что еще в апреле 1994 г. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан предприняли попытку экономического сближения, подписав Соглашение об образовании единого экономического пространства, которое получило официальное название “Центральноазиатское экономическое сообщество” (ЦАЭС) только в 1998 г. Оно представляло собой лишь программу, своего рода выражение надежды на то, что совместными усилиями удастся преодолеть кризис, вызванный распадом экономической системы Советского Союза. Но за 8 лет со времени существования ЦАЭС ни одна из поставленных целей: создание общего рынка, гармонизация таможенных тарифов, налогов, общая экспортная политика, введение общей денежной единицы – не была достигнута. В январе 2002 г. на встрече на высшем уровне в Ташкенте участники заявили, что экономическая интеграция более не является общей целью, и “Центральноазиатское экономическое сообщество” было переименовано в “Центральноазиатское сотрудничество”. Таким образом, так и не состоявшийся экономический союз был преобразован в политический, что было, пожалуй, неизбежно при различном уровне экономики, а также нестабильности и трудном социально-экономическом положении в отдельных странах региона, сопровождавшихся бедностью, безработицей, усилением наркобизнеса, миграции, высокой внешней задолженностью и др. Все это вместе не позволяет госу-

дарствам региона в полной мере приобщиться к интеграционным процессам. Сюда следует добавить и фактическое неучастие “нейтрального” Туркменистана в организации “ЦАС”, что снижает как его потенциал, так и потенциал всего региона. Попытки интегрироваться и решать вопросы на двусторонней основе способствуют частичной стабилизации обстановки в Центральной Азии, но в целом недостаточно эффективны.

Узбекистан с самого распада СССР сделал упор на автономное развитие, которое основывалось на энергетической автаркии за счет добычи нефти и газа, а также на производстве хлопка и добыче золота, которыми республика располагала в большом количестве, что позволяло ей действовать относительно самостоятельно.

Экономика Казахстана по историческим и географическим причинам в значительной мере ориентирована на северного соседа, с которым он имеет общую границу почти в 7000 км. Следует также иметь в виду, что русская доля населения республики составляет на сегодняшний день более 30%, а неказахская часть – более половины, что не может не сказываться на направлениях и характере экономических связей Казахстана. Однако наряду с северным направлением экономического сотрудничества Казахстан будет уже в ближайшей исторической перспективе экспортировать в большом количестве углеводородное сырье в бурно развивающийся Китай, чей рынок чрезвычайно перспективен. Кроме того, экспорт нефти и газа на Запад (который к тому же сделал значительные инвестиционные вливания в экономику республики) позволяет развивать Казахстану, соответственно, западное направление своей экспортной экономической

политики. Разумеется, разные направления в политике Казахстана вовсе не отрицают необходимости развития сотрудничества с южными соседями, однако возможность эффективно вести свою политику в трех остальных направлениях несколько охлаждает интерес Казахстана к югу и затрудняет региональную интеграцию, тем более что в центральноазиатский регион входит только часть Казахстана, вследствие чего он во взаимоотношениях с государствами региона позиционирует себя не иначе, как “Казахстан и Центральная Азия”.

“Проблема заключается в том, – пишет казахский исследователь А.А. Идрисов, – что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан нуждаются больше не друг в друге, а в третьих силах. Ни одна из стран не обладает достаточным уровнем экономического, технологического потенциала, чтобы выступать в роли привлекательного ядра к интеграции. В тех или иных сферах каждая из стран обязательно ориентирована или зависит либо от России, либо от Запада” [1: 81].

Центральноазиатские страны “являются конкурентами на мировых рынках сырья в силу одинаковой сырьевой специализации своих экономик”, что, разумеется, никак не способствует интеграции государств региона. Кроме того, в настоящее время они “являются конкурентами на мировом рынке инвестиций, не имея необходимых внутренних инвестиционных источников для реформирования экономики” [1: 81].

И, наконец, в регионе “нет страны-лидера, которая по своему финансово-экономическому потенциалу и политическому влиянию в состоянии координировать и направлять объединительные процессы” [1: 81].

При оценке общей ситуации в регионе следует иметь в виду, что ни одной из центральноазиатских стран пока не удалось создать полноценную единую идеологию и систему ценностей, приемлемую в равной мере для всех граждан каждого отдельного государства, которая, как нам представляется, лежит в основе стабильного, уверенного развития государства, а также сбалансированной, понятной партнерам и собственному народу, эффективной внутренней и внешней политики.

Несоответствие между уровнем экономического развития и прогрессом экономических и социальных преобразований в государствах Центральной Азии также далеко не благоприятствует региональной интеграции. И без того уже существенные расхождения в размерах ВВП на

душу в государствах региона будут со временем только возрастать. При этом ни одна из республик не хочет и не будет брать на себя роль донора. Запасы нефти и газа в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане будут всегда давать им экономические преимущества над Таджикистаном и Кыргызстаном.

Как показывает мировой опыт, для того чтобы процесс интеграции был успешным, необходимо, чтобы экономика стран была как конкурентоспособной (схожей), так и дополняющей (несхожей). Первое обстоятельство заставляет производителей товаров и услуг постоянно совершенствовать производство, второе – побуждает к комплексной интеграции, когда взаимодействующие стороны получают ощутимые выгоды от включения в единую систему. В настоящее время положение вещей таково, что экономика стран Центральноазиатского региона конкурентоспособна, в них работает множество производителей газа, нефти, металлов и хлопка. Однако значительное совпадение – преимущественно в экспорте основной продукции, от которой зависит экономика экспортирующих стран, – на деле не приводит к позитивным результатам, если их, конечно, рассматривать с точки зрения положительного влияния на интеграционные процессы. Данная продукция не предназначена для потребления остальными странами региона, поскольку она идет на экспорт в другие страны мира, что создает определенные проблемы. Так, если хлопок будет дешевле в Туркменистане, из этого не следует, что другой его экспортер, Узбекистан, начнет ввозить хлопок оттуда для внутреннего потребления; или если узбекская нефть станет дешевле, то Казахстан будет импортировать ее, поскольку его экономика сама зависит от нефтеэкспорта.

С другой стороны, экономика стран региона, опирающаяся на существующие торговые потоки, не дополняет друг друга. Сверхцентрализованная и в ощутимой степени милитаризованная советская экономическая система изначально не была направлена на создание дополняющей друг друга, а уж тем более конкурентоспособной экономики. После обретения государствами региона независимости уровень взаимной торговли так и остался, как и в советское время, невысоким.

Следует сказать, что если бы низкий уровень торговли был обусловлен тарифами, то проблему можно было бы решить созданием зоны свободной торговли, однако в странах региона он не связан с тарифами. Данная проблема имеет три аспекта.

Во-первых, основные торговые партнеры государств региона по экспорту находятся за пределами Центральной Азии, вследствие чего снижение тарифов, если оно даже произойдет, не окажет ощутимого воздействия на существующий уровень доходов от экспорта.

Во-вторых, основная масса импорта также поступают в регион извне, и поэтому снижение местных тарифов опять-таки не даст желаемого эффекта.

В-третьих, продукция, которую импортируют страны нашего региона, преимущественно одинакова: машины и оборудование, химикалии и продовольствие, что снижает потенциальную выгоду от перераспределения торговых потоков. Существующие же торговые потоки объясняют, почему ни одна из сторон не предприняла реальных попыток к интеграции: при сложившемся положении вещей она неэффективна и, таким образом, нецелесообразна. Правда, малые и средние предприятия могли бы достаточно быстро ощутить выгоду от интеграции, однако экономическая (и она же, как правило, политическая – в условиях установившегося в государствах региона авторитаризма) элита, контролирующая крупные предприятия, нефть, хлопок или золото, не почувствует быстрой выгоды от существующих торговых связей. Более того, она может понести убытки, если не сможет продолжать получать доход от тарифов на импорт. К сожалению, то, что на первый взгляд может показаться проблемой чисто экономической или технической, на самом деле в гораздо большей мере является проблемой политической и нравственной. Поскольку ожидание получения отдаленной выгоды может затянуться на годы, то предполагаемая выгода может вообще не состояться, если взять во внимание то, что уровень бедности в регионе достаточно высок, а нестабильная политическая система, по сути, подогнана и направлена на возможно быстрое получение выгоды, что, безусловно, сказывается на экономической стратегии государства, которая если и существует, то только на бумаге и практически сводится к благим пожеланиям. На деле элита стремится извлечь максимальную выгоду за время своего нахождения у власти. Совершенно очевидно, что такое положение вещей совершенно неприемлемо, и оно существенно затрудняет любые интеграционные процессы, особенно те, которые требуют значительных затрат и времени.

Казалось бы, что данный дезинтеграционный фактор свидетельствует о низкой политической культуре элиты. Однако если иметь в виду,

что между элитой и остальной массой существует тесная, глубинная взаимосвязь, и масса как бы выталкивает из самой себя “элиту”, то данный фактор можно считать более глобальным, объясняя его неразвитостью демократических форм и отсутствием устоявшихся демократических традиций и культуры. Разумеется, когда-нибудь мы преодолеем данную неразвитость, но ясно, что это не произойдет слишком быстро.

Из сказанного выше следует вывод, возможно, парадоксальный: чтобы исключить из политики, в том числе экономической, фигуру временщика, ориентированного на получение исключительно быстрых дивидендов и на практике осуществляющего разграбление ресурсов страны, необходимо вводить абсолютистские формы власти, как это уже произошло на деле в Туркменистане, Узбекистане, по сути, в Казахстане и отчасти в Таджикистане. Другой путь связан с относительно медленными преобразованиями и обретением необходимой политической культуры. В каком-то отношении он надежнее первого, поскольку дает более устойчивые и, соответственно, более длительные результаты. Однако сколько еще временщиков следует пережить, пока мы достигнем необходимого результата?

За прошедшие 15 лет центральноазиатские государства прошли путь от периферии империи до одного из центров притяжения разнообразных интересов как ведущих мировых держав, так и соседних государств. С одной стороны, это открывает новые перспективы, с другой – содержит в себе определенные угрозы. Все зависит от того, как смогут распорядиться ситуацией новообразованные республики, предпочтут ли компромиссную политику соблазну навязывать свою волю и видение проблемы.

Центральноазиатский регион занимает весьма выгодное со стратегической точки зрения положение, и при этом “он и по сей день находится в процессе формирования собственной внутренней архитектуры и поиска своего места в общей глобальной архитектонике. Регион не самодостаточен, не до конца сформировался как геополитическое образование, отсюда и наличие здесь множества нерешенных проблем, противоречий, которые препятствуют полноценному ходу интеграционных процессов” [1: 82].

В военном отношении регион представляет собой плацдарм, с которого открывается широкий оперативный простор во всех четырех направлениях света, в связи с чем он “растягивается” в разные стороны государствами (или группами государств), каждое из которых преследует

свои геополитические и экономические интересы. Исламские государства, используя тот факт, что подавляющая часть населения Центральной Азии исповедует ислам, “тянут” регион в свою сторону; Россия, обеспокоенная своей военной, экономической и стратегической безопасностью и тем, что ситуация в Центральной Азии настойчиво расшатывается различными иностранными государствами, пытается влиять на бывшие свои республики; Запад, стремясь контролировать значительные природные ресурсы в Центральной Азии, планомерно наращивает свое присутствие здесь; Китай, также заинтересованный в доступе к богатым природным ресурсам региона, которые очень скоро понадобятся ему, а кроме того, опасаящийся усиления позиций Запада в Центральной Азии, пытается доступными ему средствами влиять на политику и экономику центрально-азиатских государств.

Отсутствие в регионе развитого единого хозяйственного комплекса, а также явного экономически мощного лидера, способного гарантировать военную и экономическую безопасность партнеров и взять на себя роль своего рода локомотива, и кроме того, наличие определенных трений, спорных моментов, некоторого негативного исторического опыта межэтнических отношений, запечатленного в исторической памяти народов Центральной Азии, относительное религиозное и этническое разнообразие и другие, уже перечисленные выше, дезинтеграционные факторы приводят к тому, что республики Центральной Азии входят в различные политические, военные и экономические объединения, в которых организующую и лидирующую роль играют более мощные в военном и экономическом отношении государства, находящиеся за пределами Центральной Азии. К таковым относятся, в частности, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в которое входят Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан (Армения, Молдова и Украина обладают статусом наблюдателя при организации); Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, а также в качестве государств-наблюдателей – Индия, Иран, Монголия и Пакистан; Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членами которой являются Армения, Беларусь, Россия, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, а с недавних пор и Узбекистан. Все остальные отношения между центральноазиатскими государствами вне указанных объединений вы-

страиваются, как правило, на двусторонних основах.

Для более ясного понимания возможностей и вероятной роли в дальнейшей судьбе Центральной Азии внешних (по отношению к региону) сил приведем некоторые данные, красноречиво свидетельствующие об экономическом положении слаборазвитых государств, к которым мы вполне вправе отнести государства центрально-азиатского региона [2].

За последние три десятилетия соотношение доходов 20% богатейшего и 20% беднейшего населения мира претерпело существенные изменения с 30:1 до 78:1. В итоге около четверти общемирового населения, равного примерно 5,7 млрд. человек, включая более 100 млн. человек из промышленно развитых стран, живут ниже официально установленной черты бедности [2: 15–16]. Для сравнения: в Кыргызстане, согласно официальным источникам, в 2000 г. более 52% населения имели доход ниже официально установленной черты бедности [3].

Складывающаяся ситуация приводит, в частности, к тому, что “многие из беднейших стран земного шара сейчас оказались в замкнутом круге экономического застоя, деградации окружающей среды и обнищания, которые в некоторых случаях усугубляются быстрым ростом численности населения” [2: 15–16]. Ухудшает ситуацию политика со стороны правительств этих стран, в результате которой вместо выполнения международных обязательств и использования получаемой помощи для развития человеческих ресурсов и ликвидации нищеты, эти деньги используют на уплату внешних долгов. Такая же ситуация характерна и для Кыргызстана. Как пишет Т. Дубанаев, «по состоянию на 1 октября 2003 г. внешний заем Кыргызской Республики номинально составлял 2 млрд. 526 млн. 924 тыс. 440 долл. США... За истекшие с тех пор 25 месяцев, гарантированный государственный внешний долг Кыргызской Республики, несмотря на бесконечные “байки” бывшего руководства нашего государства о скорой его “реструктуризации”, стал только нарастать, увеличившись на 188 млн. 327 тыс. долл. США» [4: 4–5].

При таком раскладе, ориентированности экономик республик Центральной Азии на развитые государства, находящиеся за ее пределами, а также общей экономической ситуации в Центральноазиатском регионе экономический фактор, при всей его важности, играет в настоящее время незначительную роль во внутрирегиональных отношениях.

По нашему мнению, даже если в обозримом будущем государства Центральной Азии сумеют преодолеть политические, экономические, религиозные и прочие разногласия и интегрируются в единую политико-экономическую систему, то даже в этом случае – в силу определенного технического и технологического отставания центральноазиатских государств, которое если и удастся преодолеть, то нескоро, – их экономика все равно будет ориентирована в значительной степени на внерегиональные связи. Техническое и технологическое отставание, чрезвычайно высокая динамика экономики ведущих в технологическом отношении государств, задающих общий характер и ритм современного развития, – вещь практически неустранимая.

Литература

1. *Идрисов А.А.* Интеграционные процессы в Европе и на постсоветском пространстве – факторы микро- и макросреды // *Экономические аспекты интеграционных процессов: опыт Европейского Союза: Материалы междунардн. конф.* – Алматы, 2003.
2. *Положение беженцев в мире. Перемещенные лица – гуманитарная проблема.* – М., 1998.
3. Презентация Комплексной Основы Развития на национальном собрании, посвященном ее принятию, состоявшемся 31 мая 2001 г. в г. Бишкек.
4. *Дубанаев Т.* Метафизика современной геополитики – в аспекте всеобщей глобализации. – Бишкек, 2005.